

«СВИДАНЬЕ С ЖЕНЩИНОЙ В ХОЛОДНОМ НОВАБРЕ...»

Евгений СЕРГЕЕВ

В начале августа позвонил Вильяму сообщить, что задержусь в Барнауле после похода по Алтаю. Поговорили не спеша, голос был плохой.

Я обещал стремиться ко дню рождения. Сказали друг другу «люблю». Это оказалось прощание. Обещание не исполнил; 17 августа ночевали еще на реке, подняли кружки не за годы – за дни Вильяма, а следующим вечером открыли дверь мои родные, и все стало ясно по лицам. Хоронили назавтра, в день преображенский, по странному сближенью. Положил в гроб эдельвейсы с Катюни. Год 1997-й.

1967 год. Я студент новосибирского технического вуза, в котором была традиция весенних поэтических фестивалей. Дело было хорошо поставлено, масштаб события больше, чем городской. Съезжались поэты Сибири, Ленинграда, Москвы, других городов. В зале 600 мест, слушателей, думается, до тысячи, распахнуты двери в рекреацию. Ректор тревожился за прочность перекрытий. Праздник длился часов 5–6.

Что происходило? Просто читались стихи. Фестиваль готовился тщательно; кроме очевидных хлопот принимающей стороны были памятные значки, экслибрисы, книжная торговля, кинохроника, цветы, призы, оформление зала, отдельные встречи с поэтами в библиотеке и аудиториях. Вечером трудного дня ректор щедро угощал поэтов, участников, профессуру, организаторов, не забывая и нас, студентов, работавших на День поэзии в ущерб, может быть, упорному и настойчивому овладению. Здесь я увидел Вильяма вблизи.

Ему было 35 лет. Первая книжка будет осенью, но красивые легенды уже приходят из Омска. Привлекателен: сереброглав, крупная и изящная лепка лица, оттенок багрянца, глаза (о них Сельвинский писал: тихоокеанские), что-то ироническое в уголках губ. Ладно скроен, крепко шит (хотя называл себя заморышем военной поры), моряк.

Он немедленно очаровал нас песенками. В те годы мы очень зависели от незатейливых гитарных переборов и почувствовали новое пространство, особенную, неповторимую интонацию. Песни были на тексты Сельвинского, Голодного, свои.

Ничего не случилось, пожалуй, просто шла кавалерия вниз... Суд идет, революционный правый суд... Вот уж и Аляска, и пошла-поехала, Тихий океан, как площадь, перешел... Позднее Вильям дал нам Роальда Добровенского. Эти песни живут с нами почти полвека. О пении Вильяма писал И. Фоянков («Гитара»). Кроме очарования ощущалась сила, натура, свобода, цельность. Мы заружили и никогда уже не раздружились. Если этому способствовало вино, да будет оно благословенно.

Возникла переписка. Я, каюсь, был слабым корреспондентом: писать трудно, он же держал меня в курсе своих событий и дел три десятка лет. Разница в возрасте не была существенна.

Вильям непередаем, и даже все фотографии разные. Самые добросовестные попытки описать его не вполне успешны, и моя, разумеется. Надо читать и слушать самого.

А он, художник, мог «схватить» человека. Вот о Романе Солнцева: «Ох, хитро твое карее око, как прищурится! Ох, неспроста за тобой, как за лешим, сорока продирается по кустам. <...> Губ твоих опаленную кромку виноватой улыбкой сведет...»

Определенно, Вильям больше, чем стихотворец, и мог быть на своем месте во многих отраслях. По собственной легенде, в писатели попал случайно, скрывшись от дождя в вестибюль Литинститута. У него много одаренностей: литературная, музыкальная, графическая, пластика (показывал канонические коленца русского пляса, демонстрировал «большое морское приветствие», изобразил – руками – Вертинского). Но главное – одаренность сердечная: дружил, любил, заботился, действовал. Помню, получил книжку друга, читал мне и целовал строчки. Был собой мудр и прост до сентиментальности, гневен и добродушен, откровенен и ироничен (великолепная самоирония), несуетен, чист. Руки были, паял медные розы, идеально собирал затейливые рамочки – заработок и подарки, мог приготовить и угостить. Любил грека Зорбу и не любил богатого нищего.

Жизнь дала мне немало людей, бывших светом, ориентиром в пору безвременья, бесправия, павальной фальши. Бедность еще была, но это нормально, традиция. Вспомним с ужасом и недоумением, как от нас стремились скрыть лучшие книги, фильмы, контролировали театр, живопись, музыку. Но время было уже не людоедское, и жили мы подспудно, но хорошо, выцарапывали настоящее по крупичкам, доставали, передавали, беседовали, перепечатывали и переснимали, не ленились переписывать стихи. Такая антигосударственная деятельность.

Вильям показывал мне книгу, читинскую уже, «Чайки над городом». В готовом тираже 5000 экземпляров, одна страница вырезана, вновь отпечатана и вклеена трудолюбивыми руками. Почему? Оплошно просмотрели упомянутого в стихотворении Осипа Мандельштама. Цензора звали Козыдло. Имя стало нарицательным, означало яд самоцензуры, оглядку.

В Новосибирске вышла вторая книга «Песня для матросской гитары». Я возмутился непохожим, галантерейным фото на обложке (первая книга прекрасно оформлена Н. Третьяковым), написал Вильяму. Ответ: «...что ж ты мою бедную ретушированную морду хаешь, когда книгу Ваня Ветлугин изнахратил...»

Ну ладно об этом. Было много хорошего. Вильям приезжал каждый год; я был в числе организаторов дней поэзии вначале студентом, а потом работая в исследовательском секторе учебного заведения.

Помню сердечную дружбу Вильяма с Е. Г. Раппопортом, И. О. Фоняковым, Н. Я. Самохиным, помню нежное отношение к Вильяму Н. Н. Яновского, помню Майю Ивановну Борисову, впервые спевшую свою «Песенку» под гитару Вильяма. Ночной поезд, десантирующий нас на праздник поэзии Алтайского политеха: С. Н. Марков, М. А. Соболев, Вильям Озолин, Роман Солнцев, Зорий Яхнин и мы, студенты, командированные ректором. Вильям всю ночь беседовал с Сергеем Николаевичем.

Озолины обосновались в Барнауле, мы стали видеться часто. Вильям говорил, что наш город – Сибирь, а в нем улицы: Барнаульская, Омская, Иркутская, Читинская... Я и мои барнаульские родные подружились с семейством Вильяма. Вскоре он перевез из Омска старших – Дебору Ароновну и Семена Осиповича. Вильям, Ира, Володя – в дома на Северо-Западной прибыло красивых людей.

Вильям много выступал, часто бывал в писательских поездках, предпочитая северные и восточные просторы. Брат мой Николай рассказывал о встрече с поэтом на своем предприятии. Никаких даже стихов не понадобилось, просто поговорил два часа с мастеровыми о жизни, к общему удовольствию. Другой литератор, выступавший там же позднее с философской лирикой, был принят прохладно.

Вильям был техноман, вот как я, например, был бы графоманом (не был!). Любил до страсти железки, проводочки, радиокомпоненты, электромоторы.

Кабинет был набит этим добром, оставались тропинки. Что-то азартно паял, пилил, сверлил, свинчивал. Закон Ома не усвоил, как мы ни бились, зато отметился в журнале «Изобретатель и рационализатор». Предложения из разных отраслей были в основном наивны: трехгранный болт, таймер на базе будильника, но вот ветрячки на льду для спасения рыбы от замора... Главное – увлечение, фантазия, игра.

Вильям бывал у нас в лаборатории, посмеивался: «Вы, ребята, год назад вчетвером сидели в этих же позах над этим же блоком, а сколько можно было напридумывать! Слепили бы передатчик для связи с Барнаулом». Видимо, был прав.

Поэтика Вильяма, доверительная душевность не вполне близка мне – это никак не порочит художественную манеру признанного мастера, и стихи друга знаю, цену, ношу с собой. Беззвучно разбиваемая чашка... ночная работа... человек и цапля... пес за три рублевки... последняя лодка и шаль на высокой груди... лошадь возле чайной...

полька с бабушкой... содержание четвертой главы... прощай, мой добрый, навсегда... белоснежная рубашка... И «Шут гороховый» меня не коробит, это стихотворение публикуется в смягченной редакции.

Почему-то особенно дороги две строчки Вильяма, а для меня это восточное трехстишие:

Свиданье с женщиной в холодном ноябре
На площади
В колонне демонстрантов...

Это гениальное «хайку», по содержанию равное главе романа! В стихотворении много еще хорошего, но эти строчки – кристалл. Так укладывают в строку год жизни...

Память Вильяма отмечена публикациями журнала «День и ночь», сборником в серии «Поэты свинцового века» (Красноярск), превосходной книгой А. Лейфера «Мой Вильям» (Омск, галактический тираж 2-го издания – 500 экз.). Вильяму отдан двоянный выпуск журнала «Встреча» (1998, те же 500 экз.); драгоценен вклад Алтайской организации инвалидов, здесь опубликован дневник «Записки потерпевшего».

В юбилейном 2011 году – библиографический указатель (Барнаул), памятный камень в Омске, «Записки» в омской «Складчине» и обнадеживающий слух об издании двухтомника избранного.

Стопка писем в моем столе – добрые, заботливые, украшенные рисуночками, написаны легко, свободно, без литературных мучений. Думаю, что переписка со мной – сотая часть, это значит, что в мире тысячи писем Вильяма. Собрать под обложку – вот была бы книга! Лейфер уже внес свою долю.

...1998 год, август, годовщина Вильяма. Мы опять на Катунь, большой командой. Прочел у костра стихи, подняли кружки. Не расстанемся.

Что не сказано? Вильяма учили Городецкий, Сельвинский, Мартынов. В СП приняли по гранкам. Он наследует отцу, нередко дословно и ритмически. Ян Озолин – поэт загубленный и, кажется, забытый.

